Правовое развитие Арктического региона: предпосылки и перспективы

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, доцент

690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

E-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru

Статья посвящена определению ключевых предпосылок и перспектив развития правового статуса Арктики, а также институционального обеспечения безопасного устойчивого развития Арктического региона. Возрастание роли и значения Арктики в современном мире поставило перед международным сообществом ряд сложных задач по определению содержания и основных направлений развития сотрудничества арктических государств и других заинтересованных субъектов в этом регионе. Главнейшая задача заключается в определении оптимальных параметров процесса многостороннего управления Арктикой и совершенствовании механизма его эффективного осуществления на практике, что во многом связано с происходящей сегодня глубокой трансформацией Арктического региона, определяющей необходимость комплексного изучения причин текущих изменений и выработки устойчивых ориентиров для развития Арктики в новых исторических условиях. Основное внимание в работе уделяется следующим проблемам: 1) формированию перечня первоочередных направлений межгосударственного взаимодействия в Арктике; 2) определению места юридических и неюридических регуляторов в этом процессе; 3) сочетанию универсальных, региональных и национальных источников, а также возможностей арктических и неарктических акторов для решения вопросов арктической повестки дня; 4) эффективному использованию потенциала Арктического совета и других региональных органов и организаций для обеспечения развития процессов использования и сохранения Арктики.

Ключевые слова: Арктика, правовое регулирование, Арктический совет.

Legal Development of the Arctic: Background and Prospects

V. V. GAVRILOV, doctor of legal sciences, associate professor

Far Eastern Federal University

8, Sukhanov st., Vladivostok, Russia, 690950

E-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru

The article is devoted to identification of key prerequisites and prospects of development of the Arctic legal status, as well as institutional support for the safety sustainable development of the Arctic region. The increasing role and importance of the Arctic in the modern world has challenged the international community in a number of difficult problems such as determination of the content and main directions of cooperation between the Arctic States and other stakeholders in the region. The main task is to determine the optimal parameters of the multilateral management of the Arctic and to improve the mechanism of its effective implementation in accordance with the profound transformation of the Arctic region, defining the need for a comprehensive study of the causes of current changes and to develop sustainable guidelines for development of the Arctic in the new historical conditions. The main attention in the article is paid to the following issues: 1) formation of the list of priority directions of interstate cooperation in the Arctic; 2) localization of the legal and non-legal regulators in this process; 3) combination of the universal, regional and national sources, as well as opportunities for Arctic and non-Arctic actors to address issues of the Arctic agenda; 4) effective use of the potential of the Arctic Council and other regional bodies and organizations to ensure the development the use and preservation of the Arctic.

Keywords: Arctic, legal regulation, Arctic Council.

DOI: 10.12737/24859

Возрастание роли и значения Арктики в современном мире поставило перед международным сообществом ряд сложных задач по определению содержания и основных направлений развития сотрудничества арктических государств и других заинтересованных субъектов в этом регионе. Главнейшая задача заключается в определении оптимальных параметров процесса многостороннего управления Арктикой и совершенствовании механизма его эффективного осуществления на практике, что во многом связано с происходящей сегодня глубокой трансформацией Арктического региона, определяющей необходимость комплексного изучения причин текущих изменений и выработки устойчивых ориентиров для развития Арктики в новых исторических условиях.

Еще в 1991 г. Арктическая стратегия защиты окружающей среды (АЕПС)¹, принятая восемью циркумполярными государствами, и пришедший ей на смену через пять лет Арктический совет (АС)² основывали свою деятельность на «идее о необходимости защиты уязвимой экосистемы Арктики от загрязнения, индустрированного человеком как внутри, так и за пределами этого региона»³. Однако уже в начале XXI в. запуск Арктическим советом Про-

граммы оценки климатического воздействия на Арктику (АСИА) показал, что ключевое место в арктической повестке дня стала занимать проблема изменения климата и его последствий⁴. В результате в понимании Арктики произошли существенные изменения. Она стала восприниматься международным сообществом не в качестве «замороженной пустыни», как во времена действия АЕПС, а в качестве района земного шара, находящегося под постоянным воздействием широкомасштабного и длительного трансформационного процесса⁵.

Очевидно, что управление подобным процессом не может быть успешным без разработки нормативных регуляторов, определяющих условия и порядок осуществления многостороннего межгосударственного сотрудничества в Арктике, а также без создания эффективного международного институционального каркаса, призванного обеспечить его практическую реализацию с организационной точки зрения.

Решению последней задачи во многом должен был служить Арктический совет, учрежденный в качестве форума высокого уровня в целях «поиска способов организации сотрудничества, координации и взаимодействия между арктическими государствами по вопросам, представляющим общий интерес, с привлечением объединений арктических коренных народов и других жителей Арктики, в особенности по вопросам устойчивого развития и защиты арктической окружающей среды»⁶.

Однако, как показала практика, за прошедшие годы АС зарекомендовал

¹ См.: Arctic Environmental Protection Strategy, Rovaniemi, Finland. June 14, 1991. URL: http://library.arcticportal.org/1542/1/artic_environment.pdf (дата обращения: 14.11.2016).

² См.: Declaration on the Establishment of the Arctic Council, Ottawa, Canada. September 19, 1996. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/85/EDOCs-1752-v2-ACMCA00_Ottawa_1996_Founding_Declaration.PDF?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 14.11.2016).

³ Koivurova T. Limits and Possibilities of the Arctic Council in a Rapidly Changing Scene of Arctic Governance // Polar Record. 2010. Vol. 46. No. 2. P. 148.

⁴ См.: Nilsson A. E. A Changing Arctic Climate. Science and Policy in the Arctic Climate Impact Assessment. Linköping Studies in Art and Science. No. 386. Linköping, 2007. P. 5.

⁵ См.: Koivurova T. Op. cit. P. 149.

⁶ Declaration on the Establishment of the Arctic Council. Para 1(a).

себя скорее как «создатель важных научных оценок и международных инициатив, как механизм по повышению значимости коренных народов Арктики»⁷, а не как международный регулятивный орган, способный решать вопросы управления Арктикой и принимать в связи с этим решения, обязательные для своих государств-членов.

В качестве немногих примеров обратного можно привести лишь разработку и подписание государствами — членами АС двух международных договоров о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике 2011 г.⁸ и о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г.⁹ Подписание третьего юридически обязывающего соглашения в истории АС об укреплении международного арктического научного сотрудничества ожидается весной 2017 г. в США.

Между тем в силу того, что «изменение климата влечет за собой таяние льдов и освобождение от него

значительных морских пространств, уникальная арктическая природа испытывает беспрецедентные изменения и подвергается серьезным угрозам вследствие расширения масштабов судоходства и рыболовства, добычи нефти и газа»¹⁰. Поэтому, по мнению многих исследователей, созданный в конце XX — начале XXI в. правовой режим деятельности по защите природной среды Арктики уже не соответствует современным реалиям и нуждается в корректировке путем разработки и принятия новых мер нормативного и институционального характера в целях обеспечения эффективной защиты арктической природы и эксплуатации ресурсов Арктики в соответствии с принципом устойчивого развития региона¹¹.

Успех достижения этой цели находится в прямой зависимости от того, какое решение будет принято арктическими государствами и другими заинтересованными субъектами по следующим трем основным группам вопросов, имеющих критически важное значение для совершенствования системы управления Арктикой:

формирование перечня перспективных направлений международного сотрудничества в арктическом регионе, нуждающихся в первоочередном регулировании;

определение места юридических и неюридических регуляторов в этом процессе;

сочетание универсальных, региональных и национальных нормативных актов, а также возможностей арктических и неарктических акторов для решения вопросов арктической повестки дня;

эффективное использование потенциала АС и других региональных органов и организаций для обеспечения развития процессов использования и сохранения Арктики.

⁷ *Kankaanpää P., Young O. R.* The Effectiveness of the Arctic Council // *Polar Research*. 2012. Vol. 31. URL: <http://www.polarresearch.net/index.php/polar/article/view/17176> (дата обращения: 14.11.2016).

⁸ См.: *Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic* (Nuuk, 12 May 2011). URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/531/EDOCs-3661-v1-ACMMDK07_Nuuk_2011_SAR_Search_and_Rescue_Agreement_signed_EN_FR_RU.PDF?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 14.11.2016).

⁹ См.: *Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic* (Kiruna, 15 May 2013). URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/529/EDOCs-2068-v1-ACMMSE08_KIRUNA_2013_agreement_on_oil_pollution_preparedness_and_response_signedAppendices_Original_130510.PDF?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 14.11.2016).

¹⁰ *Koivurova T., Molenaar E. J.* International Governance and Regulation of the Marine Arctic. Oslo, 2009. P. 5.

¹¹ *Ibid.*

Правильное решение первой из указанных задач, на наш взгляд, может быть найдено только в результате достижения оптимального баланса между реальными потребностями участников нормотворческого процесса в Арктике, с одной стороны, и их готовностью идти на компромиссы и реализовать достигнутые соглашения на практике — с другой.

В связи с этим, в частности, следует согласиться с мнением, высказанным участниками первой встречи Целевой группы АС по вопросам арктического морского сотрудничества (ТФАМС), прошедшей в сентябре 2015 г. в г. Осло, о том, что «во времена напряженных бюджетов и конкурирующих приоритетов предложения о новых совместных предприятиях должны тщательно изучаться с точки зрения их необходимости». При этом «при оценке будущих потребностей сотрудничества должны учитываться не только проблемы (т. е. то, чего не существует), но и возможности (т. е. то, что необходимо сделать для оптимизации существующего сотрудничества, повышения его экономической эффективности и т. д.)»¹².

В качестве важнейшего ориентира для поиска ответов на указанные вопросы могут служить положения Арктического морского стратегического плана (АМСП)¹³ Арктического совета на 2015—2025 гг. Значимость этого документа состоит в том, что в нем предельно четко обозначены стратегические задачи перспективного международного сотрудничества по защите арктических морских и прибрежных районов и по содей-

ствию устойчивому развитию региона. На достижение этих целей прежде всего и должна быть направлена нормотворческая активность арктической восьмерки и других заинтересованных субъектов.

АМСП важен еще и тем, что он определяет не только круг тех общественных отношений, которые должны стать предметом приоритетного регулирования в рамках современной арктической повестки дня, но и базовые принципы и подходы, на основе которых такое регулирование должно осуществляться. Среди них можно назвать принципы устойчивого развития, превентивного подхода, принцип «загрязнитель платит» и ряд других. Однако особое значение среди них, несомненно, имеет принцип комплексного управления процессами на основе экосистемного подхода (Ecosystem Based Management (EBM) Approach). Более того, по всей видимости, именно опора на этот принцип при создании и реализации нормативных актов различного уровня арктической направленности станет определяющей для будущего правового развития Арктики.

Как подчеркивается в АМСП, «расширение применения ЕВМ во всем мире свидетельствует о том, что традиционные принципы регулирования, основанные на узком секторальном или ресурсном подходах, являются неадекватными современным задачам... Поэтому использование ЕВМ в качестве базового принципа при реализации стратегических мероприятий арктических государств и наблюдателей АС будет способствовать развитию у них единого понимания предмета и обмену опытом, основанного на системной оценке изучаемых данных. Все это подчеркивает значение экосистемного подхода как передовой практики, применяемой на международном уровне».

Наряду с определением предмета и принципов регулирования сотрудничества государств и других заинтересованных субъектов в Арктике

¹² Arctic Council Task Force on Arctic Marine Cooperation, 1st meeting. September 21—22, 2015. Oslo. Co-Chairs Summary Report. URL: <http://hdl.handle.net/11374/1532> (дата обращения: 14.11.2016).

¹³ См.: Arctic Council Arctic Marine Strategic Plan 2015—2025. URL: http://www.pame.is/images/03_Projects/AMSP/AMSP_2015-2025.pdf (дата обращения: 14.11.2016).

большое значение для повышения эффективности развития ее правового статуса будет иметь решение вопроса о том, какую природу и юридическую силу должны иметь документы, определяющие его содержание.

Как известно, результатом международного нормотворческого процесса могут быть акты различной природы и содержания: от абстрактных и диспозитивных по своему характеру политических деклараций до международных договоров, состоящих из императивных норм, имеющих прямое действие на территории государств-членов. В каждом конкретном случае это определяется предназначением принимаемого документа и достигнутым уровнем согласования позиций договаривающихся государств относительно его содержания и механизма имплементации. При этом в одних ситуациях регулирование на политическом уровне может быть предпочтительнее юридического, а в других — для достижения цели должен использоваться только документ, имеющий юридическую силу.

Изложенное выше предопределяет бесперспективность разговоров о несомненных преимуществах правовых норм над политическими и наоборот. Любой документ, полученный в результате международного нормотворчества, имеет свои сильные и слабые стороны. Именно поэтому они должны не противопоставляться друг другу, а умело сочетаться в процессе решения проблем, стоящих перед международным сообществом.

Указанные обстоятельства должны в обязательном порядке приниматься во внимание при оценке современного состояния и ближайших перспектив развития арктического регионального нормотворческого процесса, особенно протекающего в рамках АС. Ведь этот орган с самого начала создавался не в качестве международной организации с наднациональными полномочиями, а в

качестве форума, призванного осуществлять координацию деятельности независимых государств и других заинтересованных субъектов в регионе. Именно поэтому АС и другие региональные международные учреждения осуществляют сегодня свою деятельность преимущественно посредством проведения различного рода совещаний и заседаний рабочих групп, результатом работы которых становится главным образом принятие деклараций и других документов политического характера.

Подобное положение вещей вряд ли претерпит существенные изменения в ближайшем будущем, и институциональные рамки международных арктических учреждений останутся относительно слабыми по сравнению с аналогичными механизмами большинства современных универсальных и региональных международных межправительственных организаций. Это объясняется тем, что, несмотря на растущую объективную потребность во все более жесткой координации действий членов АС и его наблюдателей в борьбе с растущими вызовами и угрозами в Арктике, среди них все еще сохраняются серьезные разногласия субъективного рода относительно путей, средств и способов такого сотрудничества, а также имеет место политическая напряженность и даже противостояние во взаимоотношениях некоторых из них.

В таких условиях было бы наивным ожидать скорого преобразования АС в полноценную международную региональную организацию, способную принимать решения, обязательные для ее членов. По этой же причине преждевременно сегодня говорить и о необходимости полной замены действующего в настоящее время в Арктике механизма управления и регулирования, основанного на координации и применении политических норм, на механизм, способный производить и обеспечивать эффективную имплементацию до-

кументов юридически обязательно-го характера.

Это, однако, не означает, что региональное регулирование вопросов арктической повестки дня может и должно быть исключительно политическим. В некоторых случаях более предпочтительными, а иногда и единственно возможными для этих целей являются разработка и принятие международных договоров. Их заключение необходимо, например, для делимитации морских пространств, определения порядка защиты и эксплуатации трансграничных ресурсов или применения формальных процедур разрешения споров.

Заключая международно-правовые соглашения, государства связывают себя более строгими обязательствами, за нарушение которых к ним могут быть применены различные меры юридической ответственности. Поэтому разработка таких документов возможна лишь при наличии объективной заинтересованности в этом участников международного нормотворческого процесса, а также их готовности к взаимным компромиссам.

К сожалению, в последнее время такие заинтересованность и готовность проявляются арктическими государствами сравнительно редко, что объясняет относительно небольшое количество международных договоров, принятых к сегодняшнему дню в рамках арктического региона, и их преимущественно двусторонний характер. Однако перспективы в этом направлении есть, и практика членов АС по разработке ряда упомянутых выше международно-правовых соглашений является наглядным подтверждением этому.

Необходимо также иметь в виду, что задача определения параметров будущего правового порядка в Арктике не может быть решена без ответа на вопрос о соотношении региональных и универсальных нормативных актов в процессе его разработки и обеспечения. Его важность

предопределяется еще и тем обстоятельством, что в доктрине и практике современного международного права наблюдается определенное противостояние сторонников широкомасштабной интернационализации правового статуса Арктики путем завышения в нем роли Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и защитников точки зрения о ее особом правовом режиме, основанном на региональных, двусторонних и национально-правовых регуляторах самих арктических государств при определяющем значении норм обычного международного права¹⁴.

Вторая точка зрения получила большое распространение и в Российской Федерации. Так, отечественные исследователи считают, например, что «в правовом положении Арктики главенствующую роль играет договорно-правовая и законодательная практика самих арктических государств; при этом универсальные международные договоры применяются ими прежде всего с учетом содержащихся в них ссылок на региональные договоренности и в контексте международного обычного права»¹⁵. Кроме того, в российской правовой доктрине существует мнение, что «Арктика не была предметом рассмотрения III Конференции ООН по морскому праву, а ее правовой статус, основу которого составляет национальное законодательство приарктических государств, сложился тогда, когда о Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. даже речи не было»¹⁶.

¹⁴ См.: *Gavrilov V. V. The LOSC and the Delimitation of the Continental Shelf in the Arctic Ocean // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 317.*

¹⁵ *Вылегжанин А. Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. Т. 3. М., 2013. С. 15—16.*

¹⁶ *Копылов М. Н., Копылов С. Н. Перспективы эколого-правового статуса Арктики //*

С такими высказываниями трудно согласиться, так как в данном случае вряд ли можно считать продуктивным противопоставление одних международно-правовых источников, затрагивающих вопросы правового статуса Арктики, другим или обоснование возможности их выборочного применения в определенных ситуациях. Ошибочность такой точки зрения определяется, среди прочего, тем обстоятельством, что «к сегодняшнему дню значительное количество правовых и других вопросов уже было решено или решается в этом регионе именно на основе Конвенции 1982 г. (определение границ внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и др.). Поступить иначе — значит перечеркнуть все политические компромиссы и нормативные соглашения, достигнутые государствами на этом пути»¹⁷.

Кроме того, более глубокий анализ проблемы показывает, что на самом деле между положениями Конвенции ООН по морскому праву и других универсальных договоров, с одной стороны, а также норм региональных соглашений и обычных норм международного права — с другой, не существует непреодолимых противоречий. Первые во многих случаях признают необходимость учета определенных исторических, субъектных, географических и других особенностей при регулировании отношений в области международного морского права или, например, права охраны окружающей среды и предусматривают особый порядок взаимоотношений сторон в таких ситуациях.

Другими словами, универсальные международные договоры допускают возможность заключения особых

региональных или двусторонних соглашений, а также принятие отдельными государствами своих национальных законов по вопросам, специально оговоренным в Конвенции 1982 г. или других многосторонних договорах. Такие положения универсальных соглашений, а также региональные и национальные правовые акты необходимо рассматривать как *lex specialis*, которые могут и должны регулировать соответствующие отношения иначе, чем *lex generalis*.

Указанный механизм сочетания общего и специального правового регулирования, по нашему мнению, может быть с успехом применен арктическими государствами для регламентации на своем уровне актуальных вопросов арктической повестки дня с учетом особенностей этого региона и интересов его субъектов.

При этом юридической основой для соответствующего регионального и национального правотворчества могут служить, например, положения Конвенции 1982 г.:

о возможности учета региональных особенностей при применении метода прямых исходных линий и при определении границ «исторических» заливов (ст. 7, 10);

возможности делимитации территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями с учетом исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств, а также соглашений, уже заключенных между этими государствами (ст. 15, 74, 83);

возможности сотрудничества на региональной основе для сохранения и оптимального использования запасов ассоциированных, далеко мигрирующих, анадромных и других видов живых морских ресурсов (ст. 63, 64, 66 и др.) и для управления ими в районах открытого моря (ст. 118);

возможности сотрудничества государств, омываемых замкнутыми или полужамкнутыми морями (ст. 123);

Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 17.

¹⁷ Гаврилов В. В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 156.

необходимости сотрудничества на региональной основе для разработки международных норм и стандартов для защиты и сохранения морской среды с учетом характерных региональных особенностей (ст. 197);

праве прибрежных государств на принятие и обеспечение соблюдения недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны (ст. 234) и др.

Указанный перечень не является исчерпывающим. Право арктических государств принимать национальные законы и юридически обязательные региональные соглашения в соответствующих областях прямо вытекает также из положений некоторых других универсальных договоров, в числе которых можно назвать, в частности, Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.¹⁸, Соглашение по обеспечению выполнения мер по международному сохранению и управлению рыболовными судами в открытом море 1993 г.¹⁹ или Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.²⁰

¹⁸ См.: Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, Paris, 16 November 1972. In force 17 December 1975; 11 International Legal Materials 1972. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13055&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 15.11.2016).

¹⁹ См.: Agreement to Promote Compliance with International Conservation and Management Measures by Fishing Vessels on the High Seas, Rome, 24 November 1993. In force 24 April 2003, 33 International Legal Materials 969 (1994). URL: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/legal/docs/012t-e.pdf (дата обращения: 15.11.2016).

²⁰ См.: Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous

Таким образом, многие вопросы, имеющие отношение к Арктике, могут быть урегулированы при помощи как универсальных, так и региональных соглашений и даже национальных законов. Однако в зависимости от конкретной ситуации роль и значение каждого из этих источников права в рамках процесса формирования арктического правопорядка будут различными.

Например, по мнению Ё. Танака существуют четыре возможные модели взаимодействия универсальных и региональных правовых регуляторов в области защиты морской среды от загрязнений применительно к Арктике:

региональная модель (в соответствии с ней роль универсальных договоров существенно ограничена и противодействие загрязнению морской среды осуществляется преимущественно на базе региональных соглашений);

универсально-региональная модель (согласно ее положениям основное регулирование борьбы с загрязнением морской среды происходит на уровне универсальных договоров, а соглашения, принимаемые в регионах (в частности, в Арктике), предусматривают лишь дополнительные меры, которые могут быть предприняты в этом отношении);

универсально-межрегиональная модель (применяется в случаях, когда источники загрязнения морской среды находятся в нескольких регионах. В таких ситуациях борьба с их распространением должна осуществляться на основе как универсального, так и межрегионального сотрудничества);

глобальная модель (в соответствии с ней правила обращения с источниками загрязнения определяются в рамках универсальных соглашений,

Wastes and Their Disposal, Basel, 22 March 1989. In force 5 May 1992, 28 International Legal Materials 657 (1989). URL: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-e.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).

а роль региональных регуляторов в значительной степени ограничена)²¹.

Нетрудно заметить, что, по мнению Ё. Танака, выбор той или иной модели регулирования зависит от того, на борьбу с какими источниками загрязнения морской среды направлены соответствующие регуляторы. Если они имеют преимущественно региональную природу (например, загрязнение из наземных источников), то борьба с ними должна опираться в первую очередь на региональные инструменты. Если же загрязнение морской среды происходит из-за источников, расположенных в нескольких регионах, например, в результате деятельности по добыче ресурсов морского дна за пределами национальных юрисдикций, то приоритет должен оставаться за универсальным регулированием²².

Несмотря на то что указанная концепция была разработана применительно к проблеме правового регулирования защиты от загрязнения только морской среды, она, по нашему мнению, может быть с успехом применена и в отношении регулирования других областей межгосударственного сотрудничества в Арктике — от вопросов судоходства и рыболовства до проблем координации действий заинтересованных субъектов в проведении научных исследований или защиты растительного и животного мира.

Для правильного определения пропорций соотношения общего (универсального) и специального (регионального) механизмов правового регулирования во всех этих случа-

ях, несмотря на специфику каждого из них, ключевым будет ответ на вопрос о природе и происхождении проблемы, которая должна быть решена, а также о способности или неспособности арктических государств справиться с этой проблемой собственными силами.

Можно сделать вывод, что формирование новой правовой и институциональной парадигмы в Арктике, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, невозможно без учета следующих ключевых факторов:

правильное определение круга вопросов, подлежащих приоритетному регулированию, соответствующих реальным потребностям и возможностям арктических государств и других заинтересованных субъектов;

осуществление регулирования на базе единых принципов и с использованием экосистемного подхода;

гибкое использование инструментов политического и (или) юридического регулирования в зависимости от достигнутого уровня согласования позиций участников нормотворческого процесса, степени детализации выработанных ими правил поведения, а также предмета и конечной цели соответствующего регулирования;

сочетание универсальных и региональных механизмов (моделей регулирования) для решения вопросов арктической повестки дня.

По нашему мнению, учет этих факторов в процессе правового развития Арктики, а также активное привлечение к его реализации профильных универсальных и региональных организаций при координирующей роли Арктического совета сделает эту работу действительно успешной и эффективной.

²¹ См.: Tanaka Y. Four Models on Interaction between Global and Regional Legal Frameworks on Environmental Protection against Marine Pollution: The Case of Marine Arctic // Ocean Yearbook. 2016. Vol. 30. P. 346—347.

²² Ibid.

Библиографический список

- Gavrilov V. V. The LOSC and the Delimitation of the Continental Shelf in the Arctic Ocean // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2016. Vol. 31. No. 2.
- Kankaanpää P., Young O. R. The Effectiveness of the Arctic Council // Polar Research. 2012. Vol. 31. URL: <http://www.polarresearch.net/index.php/polar/article/view/17176> (дата обращения: 14.11.2016).

Koivurova T. Limits and Possibilities of the Arctic Council in a Rapidly Changing Scene of Arctic Governance // *Polar Record*. 2010. Vol. 46. № 2.

Koivurova T., Molenaar E. J. International Governance and Regulation of the Marine Arctic. Oslo, 2009.

Nilsson A. E. A Changing Arctic Climate. Science and Policy in the Arctic Climate Impact Assessment. Linköping Studies in Art and Science. No. 386. Linköping, 2007.

Tanaka Y. Four Models on Interaction between Global and Regional Legal Frameworks on Environmental Protection against Marine Pollution: The Case of Marine Arctic // *Ocean Yearbook*. 2016. Vol. 30.

Вылегжанин А. Н. Правовое положение Арктического региона в документах // *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. Т. 3. М., 2013.*

Гаврилов В. В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2015. № 2.

Копылов М. Н., Копылов С. Н. Перспективы эколого-правового статуса Арктики // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 11.

Конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате международной коммерческой согласительной процедуры: в начале пути

ГАЙДАЕНКО ШЕР Наталья Ивановна, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: natalia.gaidenko@sts-law.ru

Широкое применение медиации для разрешения коммерческих споров сдерживается тем, что соглашение, достигнутое сторонами в результате этой процедуры, на данный момент невозможно исполнить за рубежом в упрощенном порядке. Возможность и целесообразность разработки международного документа о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате международной коммерческой согласительной процедуры, рассматривается Рабочей группой II Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) с 2015 г. О том, какие вопросы вызывают наибольшие споры, какими предстают примерные контуры будущего документа и каковы перспективы выработки конвенции подобной Нью-Йоркской конвенции о взаимном признании и исполнении иностранных арбитражных решений, размышляет автор настоящей статьи.

Ключевые слова: Рабочая группа II ЮНСИТРАЛ, международная коммерческая согласительная процедура, медиация, исполнение.

Convention on the Enforcement of Settlement Agreements Reached as a Result of International Commercial Mediation Procedure: Beginning

N. I. GAIDENKO SCHAER, candidate of legal sciences

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: natalia.gaidenko@sts-law.ru

Broad use of mediation to resolve commercial disputes are constrained by the fact that the agreement reached by the parties as a result of this procedure is impossible to realize in a simplified manner abroad. Working group II of the UN Commission on international trade law (UNCITRAL) since 2015